

DOI: 10.22363/2312-9220-2021-26-3-398-413

УДК 821.161.1

Научная статья / Research article

Женился на Достоевском? История взаимоотношений В.В. Розанова и А.П. Сусловой

А.Н. Варламов

*Литературный институт имени А.М. Горького,
Российская Федерация, 123104, Москва, Тверской б-р, д. 25*

✉ litmasterstvol@litinstitut.ru

Аннотация. В статье подробно рассматривается история взаимоотношений А.П. Сусловой и В.В. Розанова в связи с существующим в историко-литературной науке представлением, что женитьба Розанова на Сусловой основывалась на его глубоком интересе к творчеству Ф.М. Достоевского, и стремлением таким необычным путем глубже проникнуть в тайны жизни и творчества автора «Идиота» и «Братьев Карамазовых». Однако обращение к различным документальным свидетельствам показывает, что брачные мотивы Розанова исходили из склада его натуры и составляют комплекс довольно сложных причин, среди которых всё же главенствует человеческое, а не литературное исследовательское начало. Стремление к доброжелательно объективному исследованию истории жизни А.П. Сусловой позволяет прояснить на современном научном уровне важные факты биографии Ф.М. Достоевского и В.В. Розанова, освободить их от наслоений легенд и мифов.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, В.В. Розанов, А.П. Суслова, Н.Н. Страхов, В.Д. Розанова, Т.В. Розанова

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления в редакцию – 10 июня 2021 г.; дата принятия к печати – 14 июля 2021 г.

Для цитирования: Варламов А.Н. Женился на Достоевском? История взаимоотношений В.В. Розанова и А.П. Сусловой // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2021. Т. 26. № 3. С. 398–413. doi: 10.22363/2312-9220-2021-26-3-398-413

Married Dostoevsky? The History of Relations between V.V. Rozanov and A.P. Suslova

A.N. Varlamov

*Literary Institute named after A.M. Gorky,
25 Tverskoy blvd., Moscow, 123104, Russian Federation*

✉ litmasterstvol@litinstitut.ru

Abstract. The article examines in detail the history of the relationship between A.P. Suslova and V.V. Rozanov in connection with the notion existing in the historical and literary science that Rozanov's marriage to Suslova was based on his deep interest in the work of F.M. Dostoevsky and his desire in such an unusual way to penetrate deeper into the secrets of the life and work of the author of *The Idiot* and *The Brothers Karamazov*. However, an appeal to various documentary evidence shows that Rozanov's marriage motives came from the warehouse of his nature and constituted a complex of rather complex reasons, among which the human, and not literary, research principle still dominates. The desire for a benevolently objective study of the life history of A.P. Suslova makes it possible to clarify at the modern scientific level the important facts of the biography of F.M. Dostoevsky and V.V. Rozanov, to free them from the stratifications of legends and myths.

Keywords: F.M. Dostoevsky, V.V. Rozanov, A.P. Suslova, N.N. Strakhov, V.D. Rozanova, T.V. Rozanova

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Article history: submitted: June 10, 2021; accepted: July 14, 2021.

For citation: Varlamov, A.N. (2021). Married Dostoevsky? The history of relations between V.V. Rozanov and A.P. Suslova. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 26(3), 398–413. (In Russ.) doi: 10.22363/2312-9220-2021-26-3-398-413

I

История взаимоотношений В.В. Розанова с Аполлинарией Сусловой, безусловно, одна из самых ярких и драматичных страниц в его биографии. При том, что фантазии и спекуляции с обвинительным уклоном на эту тему продолжают по сей день и, видимо, не закончатся никогда.

Определить точную дату знакомства Василия Васильевича с Аполлинарией Прокофьевной довольно сложно. Иногда цитируют письмо гимназического товарища Розанова Константина Кудрявцева от 17 августа 1876 года: «Разве quasi-вдовушка уехала из Нижнего? Или твоя симпатичная amante изменила тебе, что люди опять начинают казаться тебе „копашающимися“ червяками, и собственное твое „я“ чуть-чуть не разлетается мильным пузырем?» [1. С. 485].

Розанов, сам публикуя это письмо во втором коробе «Опавших листьев», снабжает слово amante примечанием: «Должно быть – роман с Юльей (см. „Уед.“) – учительницей музыки» [1. С. 485]. Что касается квази-вдо-

вушки, то никаких авторских комментариев не последовало, однако большинство исследователей предполагает, что речь идет именно об Аполлинарии. Так это или нет, сказать трудно. В дневнике Розанов называет год знакомства с Аполлинарией Суловой – 1878-й [2. С. 174], в письме к Н.Н. Глубоковскому утверждает, что «ей было 38 лет, когда я с нею встретился в 8-м классе гимназии» [3. С. 158]. В любом случае они совершенно точно познакомились в Нижнем Новгороде, ему было двадцать или чуть больше, она – на шестнадцать лет старше.

За плечами у нее сумасшедшая, жадная молодость, искания, метания, знакомство с великими людьми (не только с Достоевским, тут и Герцен, и Огарев, и Бакунин), любовь, измена, литературная деятельность, публикации, интерес к острым общественным вопросам, например к подавлению польского восстания, несколько написанных и опубликованных повестей и переводов, заграничные путешествия, романы, расставания, разрывы и новые романы – в общем, жизнь... Однако замуж девица Сулова так и не вышла, а писать и переводить бросила. В 1868 году сдала экзамен на звание домашней учительницы, после чего открыла школу-пансион для приходящих девиц в Иваново-Вознесенске, но вмешалась полиция, на Аполлинарию состряпали донос: человек неблагонадежный, замешана в сношениях с эмигрантами, носит синие очки, волосы подстрижены, «в своих суждениях слишком свободна и не посещает церковь», и школу через три месяца, к большому огорчению местных жителей, закрыли.

В 1872 году тридцатитрехлетняя Сулова стала слушательницей Высших женских курсов при Московском университете. По воспоминаниям более молодых сокурсниц, держалась она довольно обособленно, сосредоточенно, серьезно и строго, к учительству больше не возвращалась и жила преимущественно в родительском доме (см.: [4. С. 322]). Когда отец давал деньги, путешествовала. Она увлекалась средневековой историей, преимущественно испанской, в память о своей единственной настоящей любви к испанскому юноше Сальвадору, ради которого изменила Достоевскому, ходила по гостям, переписывалась с давней, еще с Парижа, знакомой – писательницей Евгенией Тур (она же графиня Елизавета Васильевна Салиас де Турнемир, урожденная Сухово-Кобылина, сестра драматурга, и письма этой замечательной дамы, впервые полностью опубликованные Л.И. Сараскиной в книге «Возлюбленная Достоевского», – важнейшее альтернативное свидетельство всей этой истории), выглядела чудесно и, судя по всему, без труда вскружила голову великовозрастному гимназисту, которую он позднее назовет «опытной кокеткой», раскольницей поморского согласия, хлыстовской богородицей и «Катькой» Медичи (цит. по: [4. С. 358]).

В провинциальном нижегородском мире, по контрасту с учительской средой, где бывал Розанов благодаря брату, эта легендарная женщина действительно производила впечатление настолько необычной, экзотичной, ни на кого не похожей, что могла показаться впечатлительному юноше сбыв-

шеюся мечтою, перед которой померкли все прежние идеалы. Уже стало общим местом считать, что розановский интерес к Аполлинарии Прокофьевне объяснялся исключительно или главным образом тем обстоятельством, что в молодости она была возлюбленной Достоевского и будущий «философ пола» мистически образом соединился с любимым писателем, чуть ли не «женился» на нем.

«Самая мысль, что он будет спать с той самой женщиной, с которой когда-то спал Достоевский, приводила его в мистически-чувственный восторг», – писал Марк Слоним в книге «Три любви Достоевского» [5. С. 180–181].

«В этом, бесспорно, эксцентрическом жесте можно увидеть попытку приобщиться к бурным отношениям писателя и его юной любовницы – нигилистки», – утверждает американская славистка Ольга Матич [6. С. 75].

«Розанову необходимо было видеть в Достоевском человеческое, природное, мужское, а почувствовать это можно было лишь через женщину, через физическую с нею близость. „Суслиха“, эта феминистка, в духовном отношении являвшая собой полную противоположность Василия Васильевича, давала Розанову радость общения с Достоевским, она, со своим нигилистским сознанием, невольно связывала (*через свое тело*) двух гениев русской „консервативной революции“», – сделал глубокомысленный вывод другой современный автор Александр Беззубцев-Кондаков [7. С. 236].

«Известно, что Розанов буквально вырос из Достоевского. Он настолько увлекся его творчеством и его личностью, что в 1880 году (то есть еще при жизни Федора Михайловича) 24-летним молодым человеком женился на стареющей Аполлинарии Сусловой (что, конечно, было более, чем экстравагантно)» [8. С. 240], – написал Дмитрий Евгеньевич Галковский, которого самого иногда называют Розановым конца XX века.

Обобщая эти и подобные суждения, можно признать: версия о «женильбе на Достоевском», спору нет, эффектна, а с учетом огромного интереса Розанова именно к этому писателю, кажется неоспоримой, интригующей, выигрышной и безусловно всеми признанной. Как лишний довод в её пользу, рассказ самого Розанова о своем первом прочтении Достоевского:

«Я вспомнил начало знакомства с ним. Мои товарищи по гимназии (нижегородской) уже все были знакомы с Достоевским, тогда как я не читал ничего из него... по отвращению к звуку фамилии. „Я понимаю, что *Тургенев* есть великий писатель, равно как Ауэрбах и Шпильгаген: но чтобы *Достоевский* был в каком-нибудь отношении прекрасный или замечательный писатель – то это конечно вздор“. Так я отвечал товарищам, предлагавшим „прочитать“. Мы делали ударение в его фамилии на втором „о“, а не на „е“: и мне представлялось, что это какой-то дьякон-расстрига, с длинными волосами и маслящий деревянным маслом волосы, рассказывает о каких-нибудь гнусностях:

– Достоевский – ни за что!.. И вот я в VI классе. Вся классическая русская литература прочитана. И когда нас распустили на рождественские каникулы, я взял из ученической библиотеки его „Преступление и наказание“.

Канун сочельника. Сладостные две недели „отдыха“... Впрочем, от чего „отдыха“ – неизвестно, потому что уроков я никогда не учил, считая „глупостью“. Да, но теперь я отдыхаю по праву, а тогда по хитрости. Отпили вечерний чай, и теперь „окончательный отдых“. Укладываюсь аккуратно на свое красное одеяльце и открываю „Достоевского“...

– В., ложись спать, – заглядывает ко мне старший брат, учитель.

– Сейчас.

Через два часа:

– В., ложись спать!..

– Сию минуту.

И он улегся, в своей спальне... И никто больше не мешал... Часы летели... Долго летели, пока раздался грохот за спиной: это дрова вывалили перед печью. Сейчас топить, сейчас и утренний чай, встать... Я торопливо задул лампочку и заснул... Это было первое впечатление... Помню, центром ужаса, когда я весь задрожал в кровати, были слова Раскольникова Разумихину, – когда они проходили по едва освещенному коридору:

– *Теперь*-то ты догадался?..

Это когда „без слов“ Разумихин вдруг постиг, что убийца, которого все ищут, – его „Родя“. Они остановились на секунду: и вдруг добрый и грубый бурш Разумихин всё понял. *Как он понял* – вот эта „беспроволочность телеграфа“, сказанная в каком-то комканьи слов (мастерство Достоевского, его „тайна“) – и заставила задрожать меня. Я долго дрожал мелкой, бессильной дрожью...» [9. С. 724–725].

Юный Розанов был, безусловно, сражен Достоевским, был влюблен в него, ошеломлен, раздавлен и окрылен, из чего логично следует вывод: какой же дрожью должен был задрожать восторженный мальчик, когда увидел бывшую возлюбленную его кумира и разве мог иметь для него значение ее возраст?

Все это так, однако то, что лежит на поверхности, что выглядит столь привлекательно и буквально напрашивается в биографию, не всегда отражает суть. И самый первый вопрос-возражение: а с чего мы все взяли, что В.В. был изначально осведомлен о тех подробностях взаимоотношений Федора Михайловича и Аполлинарии Прокофьевны, которые стали известны благодаря дневнику Аполлинарии и опубликованной переписке между Достоевским и Суловой (см.: [10. С. 161–172]) нам? В самом деле, откуда он мог всё это узнать?

Это был все-таки девятнадцатый век, и как бы эта удивительная женщина ни была эмансипирована, вряд ли она рассказывала направо и налево о том, что Достоевский был ее любовником. Знакомым, добрым другом, поклонником – да, но любовником? Или она все-таки не удержалась и в какой-то момент похвалилась этой связью перед молоденьким гимназистом с целью возвысить себя в его доверчивых глазах? Просто намекнула, дала понять? Может быть, и так, но вот вопрос: почему тогда сам Розанов, как толь-

ко откровенно о Сусловой ни отзывавшийся, нигде именно это обстоятельство до определенной поры не подчеркивал, что с учетом его интереса к интимной сфере и любви к Достоевскому было бы совершенно органично. Но нет же! Достоевский и Сулова в известных нам *ранних* отзывах Розанова пересекались очень нечасто, а появятся эти упоминания лишь много лет спустя, когда Василий Васильевич и Аполлинария Прокофьевна уже давно расстанутся, он будет жить в Петербурге, прославится и станет творить из своей биографии легенду.

А тогда в пространном, полном претензий и упреков письме к жене в 1890 году Розанов действительно один-единственный раз помянул Достоевского: «Но я не драпировался в свою мысль, как Вы драпировались в Вашу любовь к Достоевскому и свои вечные занятия средневековой историей, что все звучит так красиво и имеет красивый вид: тщеславная женщина, зачем Вы всякой знакомой показывали единственное письмо Достоевского, зачем Вы не сохранили его у себя. Он Вас ценил и уважал, зачем же приписывать это к своей особе, как красивую ленту, и щеголять ею на площади...» (цит. по: [4. С. 370]).

Однако эти обиженные, уязвленные и язвительные слова не только не раскрывают подлинный характер взаимоотношений Аполлинарии Прокофьевны и Федора Михайловича, где было больше и писем, и встреч, и событий, и чувств совсем других («уважал и ценил» к ним явно не относятся, это в чистом виде интерпретация самой Аполлинарии), но, напротив, свидетельствуют о том, что «вечный муж» Полины о сути этих отношений в юности не ведал. Сулова их тщательно замаскировала, и слово «любовь» тут не несет эротического оттенка.

Свой личный дневник, в котором Аполлинария описала «годы близости с Достоевским» она, как уже говорилось, не показывала никому, включая молодого супруга. Найденная в её бумагах после смерти и опубликованная впервые в 1928 году тетрадка стала сенсацией, что, кстати, опять же косвенно доказывает: эта связь так и осталась достоянием ближнего круга Федора Михайловича.

Иначе как объяснить, почему несколько лет спустя после разрыва с женой, представляя Аполлинарию в письме к Страхову, Розанов писал: «Моя жена – старшая сестра Надежды Прокофьевны Сусловой, доктора очень известного в Спб. Может быть, Вы когда-нибудь слышали о ней, п. ч. в свое время она жила в Спб. Когда я встретился с нею (в период выхода моего из гимназии), она была уже далеко от него, и все, на что я надеялся, чего ждал и к чему стремился, и на что даже намек было в окружающей жизни, я увидел в ней осуществленным. Она стояла необыкновенно высоко по ясности, твердости и светскости своих воззрений над всем окружающим, и была одинока и несчастна в то время так же, как и я все мое детство и юность: только друг в друге могли мы найти поддержку; и, несмотря на страшное неравенство лет, стали мужем и женой» [11. С. 209–210].

В этих достойных, точных словах о Достоевском нет *ни слова!* «Вы когда-нибудь слышали о ней, потому что она когда-то жила в Петербурге...» Прямо как в том рассказе О. Генри, где простодушная героиня приехала в Нью-Йорк, уверенная, что ей сразу же скажут, где тут живет ее парень. И это Розанов писал близкому знакомому Достоевского Николаю Николаевичу Страхову, с которым они о Достоевском часто говорили и кому накануне их личного знакомства Розанов признавался: «я почти столько же, сколько рад буду (заинтересован) видеть Вас, буду в Вас заинтересован еще видеть человека, который близко знал Достоевского, так сказать, осязал его руками» [11. С. 180–181]. Наверное, если бы он «женился на Достоевском», то нашел бы для представления своей жены совсем другие слова, нежели упоминание о ее сестре Надежде! И точно так же рекомендуя Аполлиналию другому своему покровителю Сергею Александровичу Рачинскому, Розанов признавался: «...в конце 3-го курса женился на Суловой, сестре известной докторши; какая-то мистическая привязанность к много пожившей Igene (Ирина из «Дыма») „avec l'озлобленный ум“» [12. С. 568].

Опять же Тургенев – не Достоевский! И больше того, сравнение именно с этой «тургеневской женщиной» (кто помнит «Дым» – поймет, о чем идет речь) начисто убивает само предположение о том, что Сулова хоть как-то ассоциировалась на тот момент в сознании Розанова с Достоевским и его героинями. Они все появятся *позднее*. Но самое интересное в этом сюжете то, что и Страхов, получив розановскую аттестацию Аполлиналии Прокофьевны, ответил своему подопечному в духе О'Генри: «Выходит, что Вашу жену я видел не раз когда-то, в 1861, 1862 годах. Она была очень молода и очень красива. Все еще никак не понимаю Ваших отношений, но от души желаю Вам спокойной и чистой развязки» [11. С. 41].

Николай Николаевич действительно видел Сулову много раз, потому что был сотрудником того самого журнала «Время», куда впервые пришла Аполлиналия и где были напечатаны ее первые довольно слабые произведения исключительно на том основании, что молодая писательница понравилась главному редактору. Страхов об этом не мог не знать, как не мог не знать и о совместных путешествиях Достоевского и Аполлиналии Прокофьевны по Европе. Но ни он Розанову об этом ни одной строки не написал, ни тот больше ни о чем не спрашивал. Странно, но факт! Они оба ходили вокруг этой темы близко-близко и – не касались ее. Боялись, избегали тронуть, таились, тактично промолчали или – попросту не придавали значения?!

II

Единственный по-настоящему серьезный аргумент в пользу расхожей версии о розановской женитьбе на Суловой как любовнице Достоевского – свидетельство замечательного писателя Сергея Николаевича Дурьлина, который был очень дружен с Розановым в последние годы жизни Василия Ва-

сильевича. Дурьлин в своих воспоминаниях, вошедших в книгу «В своем углу», ссылается на некое письмо, которое Розанов передал ему незадолго до смерти и велел открыть и прочитать своим домашним, когда его самого не станет. Сергей Николаевич так и сделал, собрав вдову и взрослых дочерей, которые, по версии Дурьлина, только тогда про первый брак их мужа и отца и узнали, и позднее изложил свое впечатление от этого письма, которое, к сожалению, как он пишет, не сохранилось (прошу прощения за пространную цитату, правда, из мало известного и труднодоступного источника, она необходима для понимания тонкостей обсуждаемой коллизии).

«В<асилий> В<асильевич> ранее рассказывал мне как-то, что женился на Сусловой потому, что она была любовницей Достоевского. Это был брак от „психологии“, брак по Достоевскому, – но совсем не по Розанову, не по автору „Семейного вопроса“ и „В мире неясного и нерешенного“. Брак – из романа Достоевского, а не из лона Авраамова. Она была старше его на 16 лет: она уже сильно „пожила“, – не только с Достоевским, но (знал ли это В<асилий> В<асильевич>, когда женился?) и с нигилистами, и с иностранцами, и с красивыми испанцами. Об этих „испанцах“ в письме не было, это я знаю уже из книги, заглавие которой выписано выше, но в письме было яркое, мучительное до боли, просто стонущее противопоставление того, что Розанов искал и что нашел в 40-летней даме с нигилизмом. Романтика: „та, кого любил Достоевский!“ – оборвалась, психология по Достоевскому вдруг обернулась психологией тончайшего, непрерывного женского мучительства. Произошло недоразумение, идущее до глубины, расщепляющее саму жизнь: несмотря на „романтику“, на „Достоевского“, он-то искал брака не по психологии, а по онтологии, а сам оказался в плену у брака по психопатологии. Вместо греющего добрую плоть нежной семейственности „Бога Авраама, Исаака и Иакова“ оказалось озлобленное безбожие шестидесятницы с постелью „принципиально“ бездетной; вместо возлюбленной и нежной – озлобленная, умная, как бес, и злая, как бес, полу-нигилистка, полу-Настасья Филипповна (из „Идиота“), кому-то и чему-то непрерывно мстящая; вместо чаемой „колыбельной песни“ в спальне раздавался психопатологический визг стареющей, ломаной и ломающейся женщины – „непрерывным раздражением пленной мысли“, озлобленной души, стареющей плоти. Начался ужас. Этот ужас сквозил в каждой строке, в каждом слове, в каждом вздохе этого письма, – и я не могу лучше и точнее выразить этого ужаса, как сравнением: тот, кто хотел возлежать, как герой „Песни песней“, на нежном и плодящем лоне, входящем в неистощимое, присно рождающее и святое лоно Авраамова, тот оказался прикованным к колющей постели стареющей, бесплодной, чувственной и истеричной нигилистки, мстящей Достоевскому, как Грушенька своему покровителю.

Течение письма прерывалось восклицаниями: „Она измучила меня! Она ненавидела меня!“ <...> (Достоевский предупреждал ее: „Если ты выйдешь замуж, то на третий же день возненавидишь и бросишь мужа“).

Теперь, когда с ним была Варвара Дмитриевна, все это видел В<асилий> В<асильевич> и мог кричать это ей с особой силой, так как в Варваре Дмитриевне он нашел то нежное, пробуждающее мудрость и дающее покой – лоно, которого искал и у той, но нашел нигилистические иглы вместо лона.

Письмо было потрясающее. Любовь и ненависть, благословения и проклятия сплелись в нем. В нем был крик спасшегося от гибели, крик с берега, – волне, которая только что била, хлестала его, чуть-чуть не разбила о камень, и вот он все-таки выбрался на берег, жметя к тихому и теплomu лону земли, а волне шлет проклятия.

Когда чтение было окончено, Варвара Дмитриевна – земля с тихим и теплым лоном – приняла у меня письмо, – заплакала – тихо и кротко.

Все молчали.

Мы поняли все смысл этого загробного чтения: В<асилий> В<асильевич> хотел, чтобы и дочери его знали, кто был бьющей о камень волной и кто был прекрасно-творящей землей в его жизни.

Что случилось с этим изумительным письмом (гениальным с точки зрения словесности), я не знаю» [13. С. 237–240].

Написано не менее изумительно, убедительно, поэтично и образно, как и все у этого автора. Только надо иметь в виду, что сей дивный пассаж есть не что иное как полемическая реакция Дурьлина на вступительную статью литературоведа А.С. Долинина к публикации того самого дневника А.П. Суловой «Годы близости с Достоевским», в которой (статье) Долинин берет Сулову под защиту от двух ее великих мужчин.

«Что за странная таинственная сила была в этой натуре, если и второй, почти гениальный человек, так долго любил ее, эту раскольников поморского согласия, так мучился своей любовью к ней?» – вопрошал публикатор, и Дурьлину это заступничество пришлось не по нраву. Особенно тот факт, что Долинин ставил под сомнения некоторые высказывания Розанова в адрес первой супруги. «Повторяем, мы имеем все основания с самого начала относиться несколько настороженно к характеристике, данной ей Розановым: факты, им же сообщенные, говорят против него. „Она искадила навсегда весь его характер и всю его деятельность“: – тогда ли, в те шесть лет, когда была его женой, или тем, что бросила его? И когда она стала для него „циничной“?» [10. С. 41], – писал Аркадий Семенович.

Вот тогда-то трижды романтический Сергей Николаевич, считавший себя в каком-то смысле розановским «душеприказчиком», и возвысил голос, и уронил слово горькое в ответ: «И вдруг, как отошедшая ужасная боль, припомнилось ему в „лоне Авраамовом“ то, что до безумия противоположно было этому лону и в чем он жил шесть лет: счастье из глубин онтологии представило ему до ясности недавнее „счастье“, искомое в психологии, – и какой еще! В „психологии“ бывшей любовницы Достоевского, 40-летней женщины, про которую можно было бы повторить евангельские

слова: „У тебя было пять мужей, и тот, которого ныне имеешь, не муж тебе“» [13. С. 238].

И чуть дальше: «Когда В<асилий> В<асильевич> нашел свою Рахиль, свою Варвару Дмитриевну, он понял, что с нею нашел свое гениальное писательство, нашел себя, счастье свое и семью, – но, обретши Рахиль, понял также, что до Рахили у него была не кроткая, хотя и не любимая Лия, а неистовая Медея. Муки от Медеи, претерпленные Иаковом, всегда мечтавшим иметь нежно возлюбленную Рахиль, – вот – в свете книжки о Сусловой – всё содержание того письма, которое я читал по воле В<асилия> В<асильевича> самой этой Рахили и чадам ее, когда уже самого Иакова не было в живых. Медея – на то она и фуриозная особа – не могла перенести, что оставивший ее Иаков счастлив со своей Рахилью, – и, как и подобает Медее, мстила не только Рахили, но и детям их. На детях-то и проявляется нарочитая Медеина месть: пусть будут без законного отца (как ненавидел В<асилий> В<асильевич> эти слова: „незаконные дети“ и „законные дети“), с поношением подвергающейся матерью, пусть будут они без имени. Так Медея мстила почти двадцать лет; старуха под 70 лет, она настолько не теряла своей фуриозности, что всякие виды выдавший, твердый мужчина победоносцевской школы, Тернавцев воскликнул не менее фуриозно: „не баба, а черт в юбке“» [13. С. 242].

Следует заметить, что Розанов никакой тайны из первого брака никогда не делал и его домашние узнали о нем много раньше, и трудно поверить, чтобы ему потребовалось так театрально эту сцену обставлять. Не в розановском это стиле, да и в подробных «Троицких записках» (то есть фактически в дневнике Дурылина за 1919 год) никаких упоминаний о подобном письме и столь важном семейном разговоре нет¹. Оно появилось лишь в более позднем полемическом мемуаре.

Однако даже если Розанов нечто подобное и написал, то опять-таки лишь в конце своей жизни, подводя горестные семейные ее итоги, проклиная одну женитьбу и идеализируя другую (на самом деле, далеко не идеальную, и единственный возможный посыл такого письма – мольба о прощении у Варвары Дмитриевны и дочерей, перед которыми он чувствовал вину). Изначально же его отношение к первой жене было иным и – больше того – даже если я не прав и В.В. об этой связи знал², все равно сводить его юно-

¹ Зато есть такая запись от 13.03.1919: «13 го. Вьюга. Вчера отнес Розановым пакет В.В-ча с надписью: «Дневники и записные книжки. Воскресенье после смерти». Оказались – статьи, письма, 1 записная книжка». А месяц спустя в записи от 8 апреля 1919 года Дурылин воспроизводит свой разговор с вдовой Розанова Варварой Дмитриевной Бутягиной, из которого следует, что это она рассказала ему о первом браке писателя: «Он был как ребенок. На первой жене из жалости женился. Ее принимали все за его мамашу. Ему нужно было к кому-нибудь прижаться» [14. С. 101].

² Тут, конечно, нельзя не сослаться на письмо Розанова к Глинке-Волжскому, в котором В. В. воспроизвел свой диалог с Аполлинарией.

«С Достоевским она „жила“.

шескую влюбленность в Аполлинарию исключительно к ее давнему роману с Достоевским в высшей степени несправедливо, неразумно, некорректно и есть, согласно «бритве Оккама», не что иное как умножение числа сущностей сверх необходимого.

III

Эту женщину повелось демонизировать и обзывать страшными словами. Еще хуже, чем самого Розанова, и дурылинский мемуар – ярчайшее тому доказательство³. И если в случае с Федором Михайловичем еще как-то

– Почему же вы разошлись?..

– Потому что он не хотел развестись с своей женой, чахоточной, „так как она умирает“...

– Так ведь она умирала?

– Да. Умирала. Через полгода умерла. Но я уже его разлюбила.

– Почему разлюбила?

– Потому что он не хотел развестись... Я же ему отдалась любя, не спрашивая, не считывая. И он должен был так же поступить. Он не поступил, и я его кинула...» (цит. по: [15. С. 86]).

Но если подобный диалог и имел место, то, по всему, не в самом начале их знакомства.

³ Ср. у Дурылина: «Жить с нею долее значило бы для него не стать Розановым, автором „Сем<ейного> вопроса“, „В мире неясного“, всего, что писано им о поле и браке. Против нее вопияла вся его онтология, всё зерно его писательства, дремавшее в нем и вырвавшееся наружу не пустоцветом („О понимании“), а истинным цветением и плодом только с Варварой Дмитриевной: нашел он Рахиль свою – нашел и гений свой. Связано. Накрепко. Неразрывно. Вот кто была его Музой всегда – Рахиль бесписьменная, тихая, без шумной „близости“ с Достоевским, без знакомства с Герценом и его Тучковой-Огаревой, но зато без „испанцев“, без „психопатологии“, с одной мудрой онтологией „ложа нескверного“, – с любовью великою, – вот кто была его музой – Варвара Дмитриевна. Этого тоже не могла никогда простить Медее. Она спала с Достоевским, рассуждала с Герценом, и вдруг от нее и при ней ничего, ничего не явилось розановского – ничего, кроме огромного – далекого от гения Розанова – трактатища „О понимании“, а при этой – при семейственной, скромной Рахили, которая с Герценом не только не разговаривала, но и не читала, рождается не только ребенок за ребенком с лона, не оскверненного ни с каким испанцем, но и книга за книгой рождается у Розанова, – и какие книги: „Легенда о Великом Инквизиторе“ (СПб., 1893), „Сумерки просвещения“, „Религия и культура“, „Природа и история“, „В мире неясного и нерешенного“, „Литературные очерки“, „Около церковных стен“ и т. д. Как же это перенести книжной Медее, что русская литература ей ничем не обязана, а скромной Рахили – всем? Впрочем, и ей обязана русская литература: ее, Медеей, мезью детям Розанова, ее упорным удерживанием этих детей от Рахили на положении „незаконных“ („законными“ были бы дети от бесплодной Медее) вызвана та страстная защита прав „незаконных детей“, которую Розанов повел так горячо и твердо в „Семейном вопросе в России“, в газетных статьях, что из русского законодательства исчез самый термин „незаконнорожденные“.

А она, действительно, имела в себе что-то фуриозное, – даже до комизма. Медее свойственно возиться с ядами. Она и тут не отступила от греческого прообраза. „Потом она (Медее № 2: „Тучкова-Огарева“, перешедшая к Герцену) просила меня достать ей яду через моего доктора. Я, как особа без предрассудков, гуманная и образованная (– Медее ли стесняться в высокой оценке самое себя!), обещала ей, но я не знала, как было приступить к моему доктору с такой просьбой...“ (с. 119).

жалеют за молодость и вспоминают к месту и не к месту Настасью Филипповну, Катерину Ивановну или «Полину» из «Игрока», то в истории с Василием Васильевичем жалеть как будто не за что. Связался черт с младенцем, или, как выразился философ Владимир Тернавцев в воспоминаниях Зинаиды Гиппиус: «Дьявол, а не Бог сочетал восемнадцатилетнего мальчишку с сорокалетней бабой!» [16. С. 156]. Сам В.В. позднее иронически вспоминал о том, как «потянулся, весь потянулся к осколку разбитой фарфоровой вазы» среди мещанства учительшек (брат был *учитель*) и вообще «нашего *быта*» (цит. по: [15. С. 87]).

Проблема, как уже говорилось, заключается лишь в том, что в основном все наши сведения об этой паре мы черпаем из более поздних писем и воспоминаний Розанова и о Розанове, очень обиженных, зачастую неверных и рисующих картину весьма одностороннюю. Нельзя не согласиться с автором превосходной биографии Аполлинаруи Прокофьевны Л.И. Сараскиной, когда исследовательница с присущим ей обостренным чувством справедливости писала:

«Именно от Розанова, исключительно пристрастного к ней человека, а через него – от людей из его ближайшего окружения известны некоторые специфические подробности второй половины жизни А.П. Суловой. Авторитетнейшие друзья и знакомые В.В. Розанова, писавшие о его первой („плохой“) жене, среди которых была даже поэтесса и литературная львица Зинаида Гиппиус, поставили на Аполлинаруи Прокофьевне несмываемое клеймо: „исчадие ада“, „железная Аполлинурия“, „тяжелая старуха“, „страшный характер“, „развалина с сумасшедше-злыми глазами“. Молва, идущая из этого же источника, была к ней беспощадна, приписав „старухе Суловой“ не только дурной характер (она и впрямь была далеко не ангел, но кто же ангел?), но и тяжелый деспотизм... фактом своего разрыва с Достоевским (равно как и фактом разрыва с Розановым) она как бы лишила себя исторического покровительства, а имя свое – благодарной памяти: статус „бывшей“ возлюбленной или „бывшей“ жены традиционно считается слишком эфемерным, чтобы быть неприкосновенным для злых языков. Женщине, самовольно вышедшей из любовного союза с гением, история ничего хорошего не гарантирует... Она оказалась беззащитна против публичных интерпретаций своей брачной жизни с В.В. Розановым – со стороны самого Розанова, который, кажется, не оставил без комментария ни одну, даже самую интимную, из деталей их брака» [4. С. 9].

Именно так всё и было, и если обратиться к скупым документам начальной поры этого любовного романа, то акценты получаются другие. В юношеском дневнике Розанов записал: «Декабрь, 1878 год. Знакомство с Аполлинурией Прокофьевной Суловой. Любовь к ней. Чтение. Мысли различные приходят в голову. Сулова меня любит, и я ее очень люблю. Это

С добытчицей ли яда было жить бедному Василию Васильевичу, человеку семейному и тихому, с рыжей бородачкой и папироской во рту?» [13. С. 242–243].

самая замечательная из встречающихся мне женщин. Кончил курс. Реакция против любви к естествознанию. И любовь к историческим наукам, влияние Сусловой, сознание своих способностей к этому...» (цит. по: [15. С. 75]). В других документах он называет ее гениальной, гордой, безудержной, фантастической, а свою любовь к ней слепой и робкой (и заметим, опять-таки ни там, ни там вне какой бы то ни было связи с Достоевским).

Полина действительно сыграла огромную роль в его судьбе, и не только разрушительную, но и созидательную. Не только забирала у него, но и давала. В каком-то смысле предопределила его путь, и не только в будущих розановских несчастьях, но и в его успехах есть ее несомненная заслуга. Что бы ни говорил Розанов позднее про осколки разбитой вазы, как бы ни ругал и ни проклинал Аполлинару Прокофьевну за ее мстительность и неуступчивость, что бы ни сочинял пристрастный Дурылин про стареющую, бесплодную, истеричную, озлобленную нигилистку, эта женщина направляла, вдохновляла, руководила Розановым тогда, когда это руководство было молодому человеку необходимо. Вспомним фразу князя Курагина из «Войны и мира»: «Ничто так не нужно молодому человеку, как общество умных женщин». Или как еще более точно вспоминал Лев Николаевич слова своей тетушки: «Ничто так не формирует молодого человека, как связь с женщиной порядочного круга». А Сулова таковою была. Пусть порядочность крестьянской дочери с ее взрывным характером была весьма своеобразной, всё равно ни одна, даже самая лучшая гимназия, библиотека, университет не смогли бы дать Розанову того, что дала в какой-то момент она. Ее начитанность, остроту ума, ее стиль, натуру он всегда признавал, именно она сформировала Розанова, вынянчила, выпестовала, взрастила, была его самой первой литературной «нянькой», и оценка ее личности в розановском письме к Страхову тому порукой.

Аполлинурия сумела занять его внимание, воображение, и, наконец, у них, что называется, было время проверить чувства. От знакомства до венчания прошло как минимум три года. За это время Розанов окончил, наконец, гимназию, уехал в Москву, сделался студентом Московского университета, отучился два курса и перешел на третий (именно на третьем курсе студентам дозволялось вступать в брак). Он мог сто раз свою нижегородскую любовь забыть, поменять, потерять, да и она могла к нему охладеть, одуматься, опомниться – на черта ей сдался этот бедный во всех смыслах слова сосунок с его детскими травмами, комплексами и обидами. Неужели нельзя найти более солидную партию при том, что она вовсе не была бесприданницей? Но нет же! Для влюбчивых натур обоих – это было достижение, подчеркивающее неслучайность их романа. А разница в возрасте и в жизненном опыте странным, фантастическим образом рифмовалась в его судьбе с судьбой его матери и ее связью с «мыслящим реалистом» Иваном Воскресенским, а в ее – с мучеником и мучителем Достоевским, когда юной Поле было чуть больше двадцати, а Федору Михайловичу около сорока. Совпадения, но какие важные!

В отличие от тех сюжетов этот закончился венчанием, хотя, наверное, с точки здравого смысла и дальнейшего развития событий, было бы лучше, если бы они действительно расстались, Аполлиария Прокофьевна вовремя отпустила бы Василия Васильевича с миром и осталась бы в истории русской литературы Музой без страха и упрека двух замечательных людей, про которую никто потом не станет писать ни гадости, ни глупости. Однако вышло иначе. В 1900 году в автобиографическом очерке «Иван Ляпунов» Розанов вспоминал свою тайную поездку из Москвы в Нижний «по делам любви и по делам брака».

«По некоторым обстоятельствам, затевавшийся роман был не только рискован, но он был рискован чрезвычайно, безрассудно, был похож на спуск воинов Аннибала „по ту сторону Альп“, когда половина или треть их попала в пропасти. Нужно заметить, особенностью моего влюбления было всегда чувство особенной привязанности, прилипчивости, неспособности отстать, и это был *fatum*, роковое. Странно: гордый и самоуверенный человек, человек очень умный, как смею рекомендоваться читателю, я привязывался, как собака, и пока другая сторона не освобождалась от своей ко мне любви, этого было совершенно достаточно, чтобы я никогда не освободился от своей. Но при этой слабости сердца ум сохранял полную живость. Что мы идем куда-то в бездну, было видно и мне и ей, но мы оба ничего об этом не говорили — не говорили, конечно, друг с другом, а про себя каждый непрерывно об этом думал. И вот она мне написала в Москву грустное письмо, что она уезжает, уезжает далеко и надолго, так как, кроме печали, из нашей связанности ничего не выйдет и разойтись вовремя лучше. Письмо было исполнено любви. „Разойтись“ ... Тут и выступил мой *fatum* в связи с рассудительностью. Защемило сердце. Любовь — это феникс. Тонет, тонет в небе, дальше, выше, ничего не видно, а сердцу больно, больно! „Как разойтись! Никогда!“ И в длинном письме рассудительный мой гений начертил всю карту неблагоприятного будущего плавания, камни, рифы, мели, ураганы, туманы, но — „ничего, силы есть, и я выплыву, мы выплывем“. Тут и разыгралась история: „Как, так ты все видишь! Как лавочник, ты измерил аршином любовь, произвел вычитания и сложения и подвел итог, и подал мне мелочной счет на засаленной бумажонке“. Зачем я вижу! Боже, но ведь куда мне деть глаза! Быстро обменялись мы еще письмами, желчными, неумолимыми, а слабое сердце во мне все ныло, и, бросив все, перехватив откуда-то 15 руб., я сел в вагон и мчался *incognito*. Там все решится, там увидим...» [17. С. 649].

Тогда и было принято роковое решение.

«Мой первый брак был основан на словах, в морозную ночь, невесты-жены... Когда мы дошли до ворот ее дома, я сделал ей предложение. Она заплакала:

– Уже поздно. Мне 38 лет (мне было 19). Будем лучше так жить.

– Нет! Нет!

И мы стали „муж“, „жена“» [17. С. 650].

В этих более поздних строках из письма Розанова к Павлу Флоренскому хромает арифметика (Розанов был очевидно на момент предложения старше, да и разница в возрасте с Аполлинарией составляла все-таки не 19, а 16 лет), и, тем не менее, в такой диалог вполне можно поверить. Больше того, при желании можно увидеть и в очерке, и в письме отменно разыгранную Аполлинарией партию принуждения к браку – угроза разрыва, женская обида, укоры, упреки, тайно примчавшийся молодой любовник (он ужасно боялся, что узнает его старший правильный брат, который был против этого союза), счастливое объяснение в «номерах Бубнова» в Нижнем и авторское признание постфактум: «...хотя позднее я узнал, что это была одна из мрачайших душ, истинно омраченных, непоправимо: но на день, на неделю, как сквозь черные тучи солнце, душа эта могла сверкать исключительно светозарно».

Вот за эту редкую исключительную светозарность Аполлинарии Прокофьевны Розанов и расплачивался всю жизнь. Но это был – *его* выбор.

Библиографический список

- [1] *Беззубцев-Кондаков А.* Три героя Василия Розанова // Урал. 2009. № 3. С. 225–246.
- [2] *Галковский Дмитрий.* Бесконечный тупик // Континент, 1994. № 81(3). С. 220–307.
- [3] *Гиппиус З.Н.* Задумчивый странник // В.В. Розанов: pro et contra: Личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей: антология. Кн. 1. СПб.: Изд-во РХГИ, 1995. С. 143–185.
- [4] *Дурылин С.Н.* В.В. Розанов // В.В. Розанов: pro et contra: Личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей: антология. Кн. 1. СПб.: Изд-во РХГИ, 1995. С. 237–245.
- [5] *Дурылин С.Н.* Троицкие записки (окончание) // Наше наследие. 2016. № 118. С. 97–128.
- [6] *Матич Ольга.* Эротическая утопия: новое религиозное сознание и fin de siècle в России. М.: Новое литературное обозрение. 2008. 400 с.
- [7] *Николюкин А.Н.* Розанов. М.: Молодая гвардия, 2018. 526 с.
- [8] *Розанов В.В.* Письма к Н. Глубоковскому // Вестник Русского Христианского Движения (Париж-Нью-Йорк-Москва). 1989. № 3 (157). С. 152–164.
- [9] *Розанов В.В.* Собр. соч.: в 30 т. Т. 13: Литературные изгнанники / Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев. М.: Республика, 2001. 477 с.
- [10] *Розанов В.В.* Собр. соч.: в 30 т. Т. 29: Литературные изгнанники. Книга вторая. Т. 29. М.: Республика. СПб.: Росток, 2010. 957 с.
- [11] *Розанов В.В.* Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. II. 712 с.
- [12] *Розанов В.В.* Чем нам дорог Достоевский? (к 30-летию со дня его кончины) // Розанов В.В. Полн. собр. соч.: в 35 т. СПб.: Росток, 2016. С. 724–729. (Серия «Литература и искусство»).
- [13] *Розанов В.В.* Иван Ляпунов // О себе и жизни своей. Уединенное. Смертное. Опавшие листья. Апокалипсис нашего времени / сост., предисл., комм., указат., подг. текста В.Г. Сукача. М.: Московский рабочий, 1990. 876 с.
- [14] *Розанова Т.В.* Воспоминания об отце В.В. Розанове и обо всей семье / Предисл. Ю. Иваска и Т. Розановой // Новый журнал (Нью-Йорк). 1975. Кн. 121. С. 163–177.
- [15] *Сараскина Л.И.* Возлюбленная Достоевского: Аполлинария Сулова: биография в документах, письмах, материалах. М.: Согласие, 1994. 456 с.
- [16] *Слоним Марк.* Три любви Достоевского. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1953. 318 с.
- [17] *Сулова А.П.* Годы близости с Достоевским: дневник-повесть-письма / вступ. ст. и прим. А.С. Долинина. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1928. 195 с.

References

- [1] Bezzubtsev-Kondakov, A. (2009). Three heroes of Vasily Rozanov. *Ural*, (3), 225–246. (In Russ.)
- [2] Galkovsky, Dmitry. (1994). Endless dead end. *Continent*, 81(3), 220–307. (In Russ.)
- [3] Gippius, Z.N. (1995). *Thoughtful wanderer*. In *V.V. Rozanov: Pro et Contra: The personality and work of Vasily Rozanov in the assessment of Russian thinkers and researchers. Anthology* (Book 1, pp. 143–185). St. Petersburg: Publishing house of RHGI. (In Russ.)
- [4] Durylin, S.N. (1995). V.V. Rozanov. In *V.V. Rozanov: Pro et Contra: Personality and creativity of Vasily Rozanov in the assessment of Russian thinkers and researchers. Anthology* (Book 1, pp. 237–245). St. Petersburg: Publishing house of RHGI. (In Russ.)
- [5] Durylin, S.N. (2016). Trinity notes (end). *Our heritage*, (118), 97–128. (In Russ.)
- [6] Matic, Olga. (2008). *Erotic utopia: new religious consciousness and fin de siècle in Russia*. M.: New literary review. (In Russ.)
- [7] Nikolyukin, A.N. (2018). *Rozanov*. Moscow: Molodaya gvardiya. (In Russ.)
- [8] Rozanov, V.V. (1989). Letters to N. Glubokovsky. *Bulletin of the Russian Christian Movement (Paris–New York–Moscow)*, 3(157), 152–164. (In Russ.)
- [9] Rozanov, V.V. (2001). *Collected works* (Vol. 13). Literary exiles. N.N. Strakhov. K.N. Leontiev. M.: Respublika. (In Russ.)
- [10] Rozanov, V.V. (2010). *Collected works* (Vol. 29, book 2.). Literary exiles. M.: Republic; Saint Petersburg: Rostok. (In Russ.)
- [11] Rozanov, V.V. (1990.) *Selected works*. (Vol. II). Moscow: Mysl'. (In Russ.)
- [12] Rozanov, V.V. (2016.) What is Dostoevsky dear to us? (to the 30th anniversary of his death). In *Poln. collection op. Series "Literature and Art"* (pp. 724–729). St. Petersburg: Rostok. (In Russ.)
- [13] Rozanov, V.V. (1990). Ivan Lyapunov. In V.G. Sukachi (Ed.), *About myself and my life. Solitary. Mortal. Fallen leaves. The Apocalypse of Our Time*. M.: Moscow worker. (In Russ.)
- [14] Rozanova, T.V. (1975). Memories of V.V. Rozanov's father and the whole family. In Y. Ivaska, T. Rozanova (Preface). *New magazine (New York)* (Book 121, pp. 163–177). (In Russ.)
- [15] Saraskina, L.I. (1994). *Dostoevsky's beloved: Apollinaria Suslova: biography in documents, letters, materials*. Moscow: Consent. (In Russ.)
- [16] Slonim, Mark. (1953). *Three loves of Dostoevsky*. New York: Publishing house named after Chekhov. (In Russ.)
- [17] Suslova, A.P. (1928). *Years of intimacy with Dostoevsky: Diary-story-letters*. Vstup. Art. and note. A.S. Dolinina. Moscow: Ed. M. and S. Sabashnikovs. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Варламов Алексей Николаевич, русский писатель и публицист, исследователь истории русской литературы XX века. Доктор филологических наук, профессор МГУ, главный редактор журнала «Литературная учёба». Член Совета при Президенте Российской Федерации по культуре и искусству; e-mail: litmasterstvol@litinstitut.ru

Bio note:

Varlamov Alexey Nicolaevich, Russian Writer and Publicist, Researcher of the History of Russian Literature of the XX century. Doctor of Philology, Professor of Moscow State University, editor-in-chief of the journal "Literary Studies". Member of the Council for Culture and Arts under the President of the Russian Federation; e-mail: litmasterstvol@litinstitut.ru